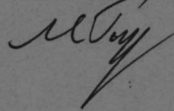

На правах рукописи

РУДЕНКО Максим Николаевич

**МАКЕДОНСКАЯ АРМИЯ И МАССОВАЯ ОППОЗИЦИЯ
АЛЕКСАНДРУ ВЕЛИКОМУ В 334 – 323 гг. до н. э.**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Саратов – 2008

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор
Кащеев Владимир Иванович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Казаров Саркис Суренович

кандидат исторических наук, доцент
Кузьмин Юрий Николаевич

Ведущая организация – Самарский государственный
университет

Защита состоится «13» февраля 2009 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.243.03 по присуждению ученой степени доктора исторических наук при Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, XI-й корп. СГУ, ауд. 516.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке ГОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», читальный зал № 3, по адресу: г. Саратов, ул. Университетская, д. 42.

Автореферат разослан «*13*» декабря 2008 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000440330

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук

Л.Н. Чернова

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Интерес к личности и деятельности Александра Македонского был всегда велик. Именно Александр открыл новую эпоху мировой истории, когда эллинская культура распространилась по всему Средиземноморью. Без периода эллинизма невозможно представить себе развитие современной западной цивилизации.

Несмотря на весьма внушительное число работ, касающихся жизни и деятельности великого завоевателя, отдельные аспекты истории его Восточного похода (334 – 323 гг. до н. э.) остаются недостаточно освещенными или же требуют новой интерпретации. Одному из таких аспектов, а именно оппозиции в македонской армии, посвящена настоящая диссертация. Раскрытие причин волнений в армии позволяет лучше понять процесс формирования политической системы эллинистических государств и ответить на вопрос: почему, несмотря на оказанное ему противодействие, Александр смог успешно проводить политику ориентализации, направленную на быструю трансформацию македонского общества, основанного на принципах демократизма, к абсолютной монархии и к заимствованию восточных образцов в различных сферах жизни?

В этой связи изучение масштабности оппозиционных настроений среди воинов приобретает первостепенное значение, так как позволяет ответить на поставленный выше вопрос. Согласно свидетельствам источников, политикой Александра были недовольны все: и аристократия, и рядовые воины. Однако возникает логическое противоречие: если решения царя не устраивали все социальные группы, представленные в армии, то почему в итоге Александру удалось успешно завершить многие из намеченных им мероприятий? Таким образом, поставленная проблема актуальна в силу своей недостаточной разработанности в современной историографии, поскольку в исследовательской литературе основное внимание уделяется аристократической оппозиции, а при рассмотрении оппозиции массовой делается ряд ошибочных выводов.

Степень научной разработанности проблемы. В XIX – первой половине XX вв. в зарубежной историографии преобладала апологетическая оценка личности Александра. Начало было положено работой И. Г. Дройзен¹, в которой утверждалось, что Александр отказался от идеи превосходства греков и македонян над восточными народами, стремился к созданию мировой империи в соответствии с принципом равенства ее подданных¹. Немецкие исследователи античности Ю. Керст², Х. Берве¹, У. Вилькен², Х. Бенгт-

¹ Дройзен И. Г. История эллинизма. – Ростов н/Д: Феникс, 1995. – Т. 1: История Александра Великого. – 608 с.

² Kaerst J. Geschichte des Hellenismus. 2. Aufl. – Leipzig – Berlin: Verlag und Druck von B. G. Teubner, 1927. – Bd. I. – XII. 580 S.

сон³, Ф. Альтгейм⁴, Ф. Шахермайр⁵, Г. Вирт⁶, Х. Крейсиг⁷ отмечали, вслед за И. Г. Дройзеном, трансформацию патриархальной македонской монархии в абсолютную и персональную, а также универсализацию, предполагавшую усилия царя на пути создания мировой империи, в которой греки и македоняне пользовались бы равными правами с азиатскими народами. Александр рассматривался как творческий гений, непонятый представителями своего окружения, но своей волей преобразовавший мир. В этом случае причины оппозиции в македонской армии были вполне понятны.

Во французской историографии точку зрения И. Г. Дройзена приняли П. Жуге⁸, П. Клоше⁹, Л. Омо¹⁰, А. Эймар¹¹.

В англо-американской историографии эти идеи преобразовались в концепцию «братства народов», автором которой выступил У. Тарн¹²; он писал о равенстве народов разных рас, которые должны были жить в единстве и согласии, участвовать в управлении новой империей Александра как равноправные партнеры, а не как подданные. Концепцию «братства народов» приняли Ч. Робинсон¹³, А. Б. Берн¹⁴, Р. М. Хейвуд¹⁵, Р. Лэйн Фокс¹.

¹ Berve H. Die Verschmelzungspolitik Alexanders des Grossen // Klio. – 1938. – Bd. 31. – S. 135–168.

² Wilcken U. Alexander der Grosse. Leipzig, 1931.

³ Bengtson H. Griechische Geschichte. – München: Beck, 1960. – XX. 612 S.

⁴ Altheim F. Alexander und Asien. Geschichte eines geistigen Erbes. – Tübingen: Niemeyer, 1953. – 320 S.

⁵ Шахермайер Ф. Александр Македонский / пер. с нем. М. Н. Ботвинника и Б. Функа. – Ростов н/Д: Феникс, 1996. – 576 с.; Schahermeyer F. Alexander in Babylon und die Reichsordnung nach seinem Tode. – Wien: Böhlau Nachf., 1970. – 224 S.

⁶ Wirth G. Alexander der Grosse in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten. – Hamburg: Reinbek, 1977. – 158 S.

⁷ Kreissig H. Geschichte des Hellenismus. – Berlin: Das europäische Buch, 1984. – 257 S.

⁸ Jouget P. Macedonian Imperialism and the Hellenization of the East. – London: K. Paul, Trench, Trubner & Comp., 1928. – XX. 440 p.

⁹ Cloché P. Alexandre le Grand. – Paris: Presses universitaires de France, 1961. – 123 p.

¹⁰ Homo L. Alexandre le Grand. – Paris: Librairie Arthème Fayard, 1951. – 392 p.

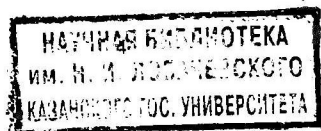
¹¹ Aymard A. Basileus Macedonon // Revue internationale des droits de l'antiquité. – 1950. – № 4. – P. 61–97.

¹² Tarn W. W. Alexander, Cynics and Stoics // JHS. – 1939. – Vol. 60. – № 1. – P. 41–70; Idem. Alexander the Great: in 2 vols. – Cambridge, 1948–1950. – Vol. 1: Narrative. – 1948. – 162 p.; Vol. 2: Sources and Studies. – 1950. – 477 p.; Idem. Alexander: Conquest of the Far East // CAH. – 1953. – Vol. 6. – P. 387–438; Idem. Alexander: Conquest of Persia // CAH. – 1953. – Vol. 6. – P. 352–386;

¹³ Robinson C. A. Alexander the Great and Parmenio // AJA. – 1945. – Vol. 49. – № 4. – P. 422–424; Idem. Alexander the Great and Oecumene // Hesperia. Supplements. – 1949. – Vol. 8. – P. 299–304; Idem. Alexander the Great. The Meeting of East and West in World Government and Brotherhood. – New York: E. P. Dutton and Co., Inc., 1949. – 252 p.; Idem. The Extraordinary Ideas of Alexander the Great // AHR. – 1957. – Vol. 62. – № 2. – P. 326–344.

¹⁴ Burn A. R. Alexander the Great and the Hellenistic Empire. – London: Hodder and Stoughton, 1947. – XIII. 297 p.

¹⁵ Haywood R. M. Ancient Greece and the Near East. – New York: Van Rees Press, 1964. – 626 p.

Однако в последние десятилетия многие зарубежные и отечественные антиковеды, такие как Э. Бэдиан², П. Бриан³, А. Б. Бозуорт⁴, Ф. Холт⁵, Т. Витмарш⁶, К. Крафт⁷, П. Гуковский⁸, П. Мерлан⁹, Х. С. Болдри¹⁰, А. С. Шофман¹¹, Б. Г. Гафуров и Д. И. Цибукидис¹² критикуют эту концепцию. По их общему мнению, Александр руководствовался рациональными целями укрепления своей империи, а не воплощал в жизнь философские идеи. Исследователи подчеркивают преемственность институтов его государства политическим институтам Ахеменидов, поэтому оценивают Александра не как новатора, а как политика, реагировавшего на возникавшие перед ним сиюминутные проблемы. Один из наиболее авторитетных исследователей истории Александра Н. Хаммонд¹³ в целом принимает концепцию «братства народов», однако считает, что она исходила из религиозных представлений, а не из философии, и не рассматривает царя как оригинального творца философских идей.

Подверглись переоценке и важные положения прежней историографии, а именно: вопрос о степени ориентализации политики Александра. Так, необходимо отметить исследования Э. Фридрихсмейера¹⁴, в которых показано, что в религиозной политике Александр продолжал следовать традиционным

¹ Lane Fox R. Alexander the Great. – London: Lane, 1974. – 568 p.

² Badian E. Alexander the Great and the Unity of Mankind // *Historia*. – 1958. – Bd. 7. – S. 425–444.

³ Бриан П. Александр Македонский / пер. с фр. И. Нагле. – М.: Астрель; АСТ, 2007. – 157 с.

⁴ Bosworth A. B. Alexander and Iranian // *JHS*. – 1980. – Vol. 100. – P. 1–21; *Idem*. Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988. – XIII. 330 p.; *Idem*. Alexander and the East: The Tragedy of Triumph. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1998. – XVI. 218 p.

⁵ Holt F. L. Alexander the Great and Bactria. The Formation of a Greek Frontier in Central Asia. – Leiden: E. J. Brill, 1988. – X. 114 p.

⁶ Whitmarsh T. Alexander's Hellenism and Plutarch's Textualism // *CQ. N.S.* – 2002. – Vol. 52. – № 1. – P. 174–192.

⁷ Kraft K. Der "rationale" Alexander. – Kallmünz: Lassleben, 1971. – 136 S.

⁸ Goukowsky P. Essai sur les origines du mythe d'Alexandre (336–270 av. J.-C.). – Nancy: Mémoire Univ. de Nancy, 1978. – 360 p.

⁹ Merlan P. Alexander the Great or Antiphon the Sophist // *CPh*. – 1950. – Vol. 45 – № 3. – P. 161–166.

¹⁰ Baldry H. C. Zeno's Ideal State // *JHS*. – 1959. – Vol. 79. – P. 3–15.

¹¹ Шофман А. С. Восточная политика Александра Македонского. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1976. – 519 с.

¹² Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Александр Македонский. Путь к империи. – М.: Вече, 2007. – 480 с.

¹³ Hammond N. G. L. Alexander the Great: King, Commander and Statesman. – London: Chatto and Windus, 1981. – X. 358 p.; *Idem*. Genius of Alexander the Great. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 1997. – XIII. 220 p.

¹⁴ Fredricksmeyer E. A. Alexander, Midas and the Oracle at Gordium // *CPh*. – 1961. – Vol. 56. – № 3. – P. 160–168; *Idem*. Alexander the Great and the Macedonian Kausia // *TPA-PhA*. – 1986. – Vol. 116. – P. 215–227; *Idem*. The Ancestral Rites Alexander the Great // *CPh*. – 1966. – Vol. 61. – № 3. – P. 179–182; *Idem*. The Origin of Alexander's Royal Insignia // *TPA-PhA*. – 1997. – Vol. 127. – P. 97–109.

македонским культам и царские инсигнии Александра имели собственно македонское происхождение. С. Берстейн¹ выражает обоснованные сомнения в официальном характере церемонии провозглашения Александра египетским фараоном. Проводя просопографический анализ этнического состава двора Александра и списка сатрапов его государства, исследователи также акцентируют внимание на преобладании именно македонян над персами и греками².

Таким образом, необходима большая осторожность в вопросе о том, в какой степени Александр отказался от македонских традиций в пользу восточных. Однако в то время как восточная политика подвергается пересмотру со стороны историков, они продолжают рассматривать оппозицию в рамках противостояния царя и македонян, неприемливших его политические идеалы.

В отечественной и зарубежной историографии внимание уделяется в основном аристократической оппозиции. Если западные ученые отрицают заговоры против Александра и считают, что царь нанес превентивный удар по недовольным в среде знати³, то отечественные историки, напротив, не сомневаются в реальности заговоров⁴. При этом все исследователи едины во мнении, что аристократическая оппозиция стала ответом на восточную политику Александра. Массовой оппозиции посвящены лишь отдельные исследования. Так, Ф. Холт⁵ и Ф. Р. Вюст⁶ рассматривают причины и содержание волнений на р. Гифасис и в Описе. Э. Карни⁷ анализирует общие вопросы дисциплины в греческой и македонской армиях в сравнении с римской и современными вооруженными силами. Ряд ученых изучает характер греческой

¹ *Burstein S. M. Pharaoh Alexander: A Scholarly Myth* // AS. – 1991. – Vol. 22. – P. 139–145.

² *Badian E. Harpalus* // JHS. – 1961. – Vol. 81. – P. 16–43; *Blackwell C. W. In the Absence of Alexander. Harpalus and the Failure of Macedonian Authority*. – New York: P. Land, 1999. – 185 p.

³ *Badian E. The Death of Parmenio* // TPAPhA. – 1960. – Vol. 91. – P. 324–338; *Carney E. The Death of Clitus* // GRBS. – 1981. – Vol. 22. – P. 149–160; *Heckel W. The Conspiracy Against Philotos* // GRBS. – 1977. – Vol. 31. – P. 9–21; *Kapetanopoulos E. Alexander's Patrius Sermo in the Philotos Affair* // AW. – 1999. – Vol. 30. – № 2. – P. 117–128.

⁴ *Ковалев С. И. Переговоры Дария с Александром и македонская оппозиция* // ВДИ. – 1946. – № 3. – С. 46–56; *Его же. Александр и Клит* // ВДИ. – 1949. – № 3. – С. 69–73; *Его же. Александр, Филота и Парменион* // Уч. зап. Ленингр. ун-та. – 1949. – Вып. 14. – С. 280–308; *Его же. Заговор «пажей»* // ВДИ. – 1948. – № 1. – С. 34–42; *Его же. Македонская оппозиция в армии Александра* // Изв. Ленингр. ун-та. – 1930. – Т. 2. – С. 148–183; *Зельин К. К. К вопросу о социальной основе борьбы в македонской армии в 330–328 гг. до н. э.* // Проблемы социально-экономической истории древнего мира. – М; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 255–270; *Шофман А. С. О социальной сущности македонской оппозиции в армии Александра* // Уч. зап. Казанск ун-та. – 1957. – Т. 117. – Кн. 9. – С. 65–71.

⁵ *Holt F. L. The Hyphasis Mutiny: A Sources Study* // AW. – 1985. – Vol. 5. – P. 33–59.

⁶ *Wüst F. R. Die Meuterei von Opis. (Arrian VII.8; 11.1–7)* // Historia. – 1953–1954. – Bd. 2. – S. 418–431.

⁷ *Carney E. Macedonians and Mutiny: Discipline and Indiscipline in the Army of Philip and Alexander* // CPh. – 1996. – Vol. 91. – № 1. – P. 19–44.

оппозиции, что помогает понять оппозиционные настроения среди македонян¹.

Анализ оппозиции возможен только с учетом особенностей политического и социального строя Македонии, поэтому в диссертации использовались работы Н. Хаммонда², П. Клоше³, Р. М. Эррингтона⁴, Ю. Борзы⁵, Э. Ансона⁶, М. В. Хадзопулоса⁷, А. С. Шофмана⁸, в которых дается характеристика македонского общества и рассматривается его эволюция во время правления Александра Великого.

Особенно важной в рамках заявленной темы представляется проблема функционирования македонского народного собрания, а именно: выяснение специфики ситуации длительного военного похода и трансформации в связи с этим политической системы, а также рассмотрение теории «конституционных прав» македонян⁹.

¹ Кошеленко Г. А. Александр и Аристотель (к вопросу о подлинности «Письма Аристотеля к Александру о политике по отношению к городам») // ВДИ. – 1974. – № 1. – С. 22–44; *Его же*. Восстание греков в Бактрии и Согдиане 323 г. до н. э. // ВДИ. – 1972. – № 1. – С. 58–73; *Его же*. Греческий полис на эллинистическом Востоке. – М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1979. – 243 с.; *Borza E. N.* Anaxarchus and Callisthenes: Academic Intrigue at Alexander's Court // *Ancient Macedonian Studies in Honor of Ch. F. Edson.* – Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 1981. – P. 73–86; *Brown T. S.* Callisthenes and Alexander // *AJPh.* – 1949. – Vol. 70. – P. 225–248.

² *Hammond N. G. L.* A History of Macedonia. Vol. 1. Historical Geography and Prehistory. – Oxford: Clarendon Press, 1972. – XIX. 493 p.; *Idem.* Connotations of «Macedonia» and «Macedones» until 323 B. C. // *CQ. NS.* – 1995. – Vol. 45. – № 1. – P. 120–128; *Idem.* The Continuity of Macedonian Institutions and the Macedonian Kingdom of the Hellenistic Era // *Historia.* – 2000. – Bd. 49. – S. 140–160; *Hammond N. G. L., Griffith G. T.* A History of Macedonia. Vol. 2. 550–336 B. C. – Oxford: Clarendon Press, 1979. – XXII. 756 p.; *Hammond N. G. L., Walbank F. W.* A History of Macedonia. Vol. 3. 336–169 B. C. – Oxford: Clarendon Press, 1988. – XXX. 656 p.

³ *Cloch   P.* Histoire de la Mac  doine. – Paris: Payot, 1960. – 269 p.

⁴ *Errington R. M.* A History of Macedonia. – Berkeley: Univ. of California Press, 1990. – 312 p.; *Idem.* Macedonian «Royal Style» and Its Historical Significance // *JHS.* – 1974. – Vol. 94. – P. 20–37; *Idem.* The Historiographical Origin of Macedonian «Staatsrecht» // *Ancient Macedonia.* – Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 1983. – Vol. 3. – P. 89–101; *Idem.* The Nature of the Macedonian State under the Monarchy // *Chiron.* – 1978. – Vol. 8. – P. 77–133.

⁵ *Borza E.* The Symposium at Alexander's Court // *Ancient Macedonia.* – Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 1983. – Vol. 3. – P. 45–55; *Idem.* In the Shadow of Olympus. The Emergence of Macedon. – Princeton: Univ. Press, 1990. – XVII. 333 p.

⁶ *Anson E. M.* Macedonia's Alleged Constitutionalism // *CJ.* – 1985. – Vol. 80. – P. 303–316.

⁷ *Hatzopoulos M. B.* Macedonian Institutions under the Kings: 2 vols. – Athens: Research Centre for Greek and Roman Antiquity, National Hellenic Research Foundation, 1996. – Vol. 1: A Historical and Epigraphic Study, Vol. 2: Epigraphic Appendix. – 554 p.

⁸ Шофман А. С. История античной Македонии: в 2-х ч. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1960–1963. – Ч. 1. – 299 с.; Ч. 2. – 433 с.; *Его же*. Насущные вопросы античного македонведения // ВИВИ. – Вып. 3. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1968. – С. 82–105.

⁹ *Granier F.* Die makedonische Heeresversammlung: ein Beitrag zum antiken Staatsrecht. – M  nchen: Beck, 1931. – XIV. 206 S.; *Aymard A.* Sur l'assembl  e macedonienne // *REA.* –

В свою очередь, деятельность народного собрания нельзя понять без изучения македонской армии, так как участвовать в нем могли только воины. Эволюция македонской армии рассматривается в работах Дж. Р. Эллиса¹ и Р. А. Биллоуза², посвященных македонскому «империализму». Исследователи считают армию основой политической структуры Македонии, без которой государство не могло быть сколько-нибудь жизнеспособным.

Отдельные аспекты военных реформ, особенно важные для понимания массовой оппозиции на протяжении Восточного похода, а именно: систему комплектования армии, структуру подразделений и ее изменения, привлечение в войска восточных контингентов, создание «гиппархий» и «анти-тагмы» – анализируют Р. Д. Милнз³, Э. Бэдиан⁴, А. Б. Бозуорт⁵, А. Р. Берн⁶, П. А. Брант⁷, П. Фор⁸, Г. Т. Гриффит⁹, Н. Хаммонд¹⁰, А. С. Шофман¹¹, Г. С. Самохина¹².

В диссертации используются также просопографические материалы, посвященные анализу деятельности лиц из ближайшего окружения Алексан-

1950. – № 52. – P. 115–137; *Idem.* Études d'histoire ancienne. – Paris: Presses universitaires de France, 1967. – XXVIII. 662 p.; *Briant P.* Antigone le Borgne. Les débuts de sa carrière et les problèmes de l'assemblée macédonienne. – Paris: Les belles lettres, 1973. – 397 p.; *Lock R.* The Macedonian Army Assembly in the Time of Alexander the Great // CPh. – 1977. – Vol. 72. – № 2. – P. 91–107; *Anson E. M.* The Evolution of the Macedonian Army Assembly (330–315 B. C.) // *Historia*. – 1991. – Bd. 40. – S. 230–247.

¹ *Ellis J. R.* Philip II and Macedonian Imperialism. – London: Thames and Hudson, 1976. – 312 p.

² *Billows R. A.* Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism. – Leiden: Brill, 1995. – XV. 240 p.

³ *Milns R. D.* A Note on Arrian's Anabasis 5.13.1 // CPh. – 1983. – Vol. 78. – № 1. – P. 47–50; *Idem.* Alexander's Macedonian Cavalry and Diodorus XVII.17.4 // JHS. – 1966. – Vol. 86. – P. 167–168; *Idem.* Alexander's Seventh Phalanx Battalion // GRBS. – 1966. – Vol. 7. – P. 159–166; *Idem.* «Asthippoi» Again // CQ. NS. – 1981. – Vol. 31. – № 2. – P. 347–354; *Idem.* The Hypaspists of Alexander III: Some Problem // *Historia*. – 1971. – Bd. 20. – S. 186–195.

⁴ *Badian E.* Orientals in Alexander's army // JHS. – 1965. – Vol. 85. – P. 160–161.

⁵ *Bosworth A. B.* Astetairoi // CQ. NS. – 1973. – Vol. 23. – P. 245–253.

⁶ *Burn A. R.* The Generalship of Alexander // GR. – 1965. – Vol. 12. – № 2. – P. 140–154; *Idem.* Notes on Alexander's Campaigns 332–330 B. C. // JHS. – 1952. – Vol. 72. – P. 81–91.

⁷ *Brunt P. A.* Alexander's Macedonian Cavalry // JHS. – 1963. – Vol. 83. – P. 27–46.

⁸ *Faure P.* La vie quotidienne des armées d'Alexandre. – Paris: Hachette, 1982. – 382 p.

⁹ *Griffith G. T.* A Note on the Hippiarchies of Alexander // JHS. – 1963. – Vol. 83. – P. 68–74; *Idem.* Alexander's Generalship at Gaugamela // JHS. – 1947. – Vol. 67. – P. 77–89.

¹⁰ *Hammond N. G. L.* A Note of «Pursui» in Arrian // CQ. NS. – 1978. – Vol. 28. – P. 136–140; *Idem.* Some Passages in Arrian Concerning Alexander // CQ. NS. – 1980. – Vol. 30. – № 2. – P. 461–465; *Idem.* The Text and the Meaning of Arrian VII.6.2–5 // JHS. – 1983. – Vol. 103. – P. 139–144; *Idem.* Cavalry Recruited in Macedonia down to 322 B. C. // *Historia*. – 1998. – Bd. 47. – S. 404–425;

¹¹ *Шофман А. С.* К вопросу о генезисе эллинистических армий // ВДИ. – 1987. – № 3. – С. 143–152.

¹² *Самохина Г. С.* Место и роль армии в системе раннеэллинистического государства // ВДИ. – 1979. – № 3. – С. 146–155.

дра, в частности собранные Х. Берве; в современной историографии это направление особенно активно представляет В. Хекел¹.

Отдельным дискуссионным вопросом в отечественной и зарубежной историографии выступают *источниковедческие проблемы*.

Действительно, большинство сохранившихся источников имеют позднее происхождение, а все первичные источники либо утрачены, либо дошли во фрагментах, содержащихся в трудах поздних писателей. В работе использовались фрагменты утраченных сочинений первичных авторов – бывших современниками Александра или писавших сразу после окончания похода, – на которых базировалась поздняя традиция. Одним из важнейших источников являются «эфмериды» («дворцовый журнал»). Большой Интерес вызывает сочинение официального историографа похода – Каллисфена «Деяния Александра». Не менее важными являются и сведения Клитарха, написавшего труд под названием «История Александра». Привлекались фрагменты сочинений Харета из Митилены, Онесикрита и Непарха. Однако основными первичными источниками являются труды Птолемея и Аристобула. Из-за фрагментарности дошедших до нас первичных источников, невозможно однозначно восстановить содержание и направленность работ современников эпохи Александра. В связи с этим многие конкретные выводы зависят от научных пристрастий и субъективной интерпретации того или иного исследователя.

Вторичная историческая традиция в отношении Александра делится на два направления: апологетическое (сочинения Арриана и Плутарха) и анти-александровское, для которого характерно отрицательное отношение к царю (сочинения Диодора, Курция и Юстина, так называемая «вульгата»). Несмотря на определенную реабилитацию «вульгаты», наметившуюся в современной историографии, нельзя принимать методику работы с источниками, при которой текст Арриана просто механически дополняется сведениями Диодора, Курция и Юстина. К источникам нужно подходить взвешенно и рационально; главными критериями при их изучении должны стать правдоподобие и логичность повествования. Если сообщения «вульгаты» соответствуют этим требованиям, то с их помощью можно корректировать текст Арриана.

В диссертации используются эпиграфические источники, относящиеся ко времени правления Александра. Афинская надпись 336–335 гг. до н. э. ва-

¹ Berve H. Das Alexanderreich auf prosopographischen Grundlage. Bde. I–II. – München: C. H. Beck, 1926. – Bd. I. – XVI. 357 S.; Bd. II. – VII. 446 p.; Heckel W. Asandros // AJPh. – 1977. – Vol. 98. – № 4. – P. 410–412; Idem. Leonnatos, Polyperchon and the Introduction of Proskynesis // AJPh. – 1978. – Vol. 99. – № 4. – P. 459–461; Idem. On Attalos and Atalante // CQ. NS. – 1978. – Vol. 28. – № 2. – P. 377–382; Idem. The Last Days and Testament of Alexander the Great: a Prosopographic Study. – Stuttgart; Wiesbaden: Steiner-Verlag, 1988. – XIV. 114 p.; Idem. The Marshals of Alexander's Empire. – London; New York: Routledge, 1992. – XXV. 416 p.

жен с точки зрения установления оплаты воинам в македонской армии¹. Для определения характера титулатуры Александра привлекаются надписи из Приены и декрет Александра о хийских изгнанниках². Связи Аристотеля и официального историографа похода Каллисфена отражаются в хвалебной надписи из Дельф в их честь за составление списка победителей на Пифийских играх³. Надписи о тирании из г. Эрес, относящиеся к периоду между 332-331 г. до н. э. и 305-301 гг. до н. э., являются значимыми для понимания процесса установления царского культа при Филиппе II⁴.

В работе был также использован нумизматический материал, золотые и серебряные монеты Александра Великого важны, прежде всего, в таких вопросах, как определение титулатуры македонского царя на протяжении его правления и масштабов его завоевательных планов.

Цель настоящего диссертационного исследования состоит в том, чтобы всесторонне проанализировать и понять сущность массовой оппозиции, причины ее возникновения и масштабы распространения в армии Александра Великого.

Для достижения данной цели необходимо решение следующих задач:

1) выявить характер македонской армии перед началом Восточного похода и изменения в ней, произошедшие на протяжении военной кампании, что позволит понять, почему со временем ослабло сопротивление политике Александра;

2) проанализировать численность первоначального контингента, структуру пополнений, и на этой основе определить размеры потерь в армии в ходе завоевания;

3) показать взаимосвязь завоевательных планов Александра и возникновения оппозиции в македонской армии на конкретных примерах, прежде всего, бунта воинов на р. Гифасис в 326 г. до н. э.;

4) рассмотреть военные реформы Александра и их роль в оппозиционном выступлении армии в Описе в 324 г. до н.э.

Объектом диссертационного исследования выступает македонская политическая система и восточная политика Александра Великого.

Предметом диссертационного исследования является оппозиция политике Александра в лице рядовых воинов его армии на протяжении Восточного похода.

¹ Tod M. N. A Selection of Greek Historical Inscription. – Vol. 2. From 403 to 323 B. C. – Oxford: Clarendon Press, 1948. – № 183. – P. 240-241.

² Tod M. N. A Selection of Greek Historical Inscription. Vol. 2. № 184-185, № 192 P. 241-244, 263-267; Dittenberger W. Sylloge Inscriptionum Graecarum. – Hildesheim: Georg Olms Verlag, 1982. – Vol. 1. – № 277, № 283.

³ Tod M. N. A Selection of Greek Historical Inscription. Vol. 2. № 187. P. 246-248; Dittenberger W. Sylloge Inscriptionum Graecarum. Vol. 1. № 275. В. Диттенбергер датирует надпись 334-332 гг. до н. э.

⁴ Tod M. N. A Selection of Greek Historical Inscription. Vol. 2. № 191. P. 253-263; Dittenberger W. Sylloge Inscriptionum Graecarum. Vol. 1. № 284.

Хронологические рамки исследования обусловлены поставленной целью и охватывают период с 334 по 323 гг. до н. э. Этот промежуток времени позволяет выявить особенности формирования оппозиционных настроений в македонской армии в связи с различными аспектами восточной политики Александра.

Теоретико-методологической основой исследования послужила концепция Т. Гарра¹ об *относительной депривации* как основе оппозиционных выступлений. Относительная депривация – это расхождение ценностных экспектаций коллектива (усредненный объем или уровень реально достигаемой ценности, на который его члены могут претендовать) и ценностных возможностей коллектива (усредненные способности членов коллектива к приобретению ценностей или к их удержанию). В диссертации осуществляется комплексный подход к источникам, который находит свое отражение в использовании письменной традиции, данных эпиграфики и нумизматики. В исследовании применяются *сравнительно-исторический метод, метод исторической реконструкции, структурный подход и терминологический анализ*.

Основная гипотеза исследования. Степень сопротивления македонского общества политике Александра на самом деле была гораздо ниже, чем принято считать в современной историографии. Преувеличенное представление о нем во многом основывается на неверном методологическом подходе к содержанию понятия оппозиции, при котором любое волнение армии расценивается как проявление политической оппозиции. Этот подход создает иллюзию широкомасштабного недовольства, вызывавшегося политикой Александра. Проявлению открытого и институционализованного недовольства рядовых воинов препятствовало несколько факторов. Во-первых, повышение социального статуса крестьян-общинников за счет включения их в фалангу и постоянного функционирования на протяжении похода народного собрания, при поддержке которого царь подавил оппозиционные выступления аристократии. Во-вторых, формирование между Александром и его воинами особых, персональных взаимоотношений в течение длительной военной кампании. В-третьих, изменение психологии македонской армии, превращавшейся из гражданского ополчения в профессиональное войско. И, наконец, – небольшие потери в ходе Восточного похода, что позволяло Александру поддерживать среди воинов доброжелательное, позитивное отношение к себе.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно является одной из первых аналитических работ, нацеленных на изучение градации элементов в структуре оппозиции во время Восточного похода.

При характеристике феномена оппозиции в общесторическом плане можно выделить два ее аспекта: 1) оппозиционные выступления, обусловленные трудностями длительного военного похода и не связанные с защитой

¹ Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют? – СПб.: Питер, 2005. – С. 61-68; 90-91.

какой-то политической программы; 2) оппозиционные выступления, направленные именно против определенной политической программы и подразумевающие наличие таковой у самих оппозиционеров.

При этом оба аспекта могут носить как стихийный, так и организованный характер и проявляться в различных формах – начиная от оппозиционных настроений и заканчивая конкретными действиями. Выступление армии на р. Гифасис в 326 г. до н. э. и предшествующие волнения относятся к первой категории оппозиции, вызванной завоевательными планами Александра, тогда как бунт армии в г. Опис в 324 г. до н. э. – ко второй категории.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В ходе Восточного похода произошло повышение социального статуса рядовых македонских воинов в результате уникальной политической ситуации, при которой царю для борьбы с недовольной его политикой аристократией и одобрения своих мероприятий понадобилась поддержка народного собрания. Вследствие этого в период похода наблюдалась регулярная работа войскового собрания, что не было характерно для предшествующей истории Македонии.

2. Основой для повышения социального статуса воинов стало создание фаланги при Филиппе II – это позволило простым общинникам конкурировать в военном отношении с аристократией. Этот процесс нашел дальнейшее выражение в расширении почетного наименования «педзетайры» на всех фалангитов в правление Александра и появлении нового названия «астетайры».

3. За период продолжительной кампании произошла профессионализация македонской армии, превратившейся из обычного гражданского ополчения в некую социальную группу, у которой установились персональные отношения с Александром.

4. Александр сумел сохранить основное ядро македонского контингента после завершения похода. Из общей численности македонян, отправленных в Азию (примерно 33000 человек), на момент демобилизации армии в Описе в ней насчитывалось около 26000 македонян. Это способствовало созданию и поддержанию в сознании воинов благоприятного образа царя.

5. Различные мероприятия Восточной политики по-разному затрагивали интересы знати и простых воинов, поэтому налицо одновременность аристократической и массовой оппозиции, давшая возможность Александру уничтожить недовольных представителей аристократии при поддержке народного собрания.

6. Военные реформы, начавшиеся после возвращения из Индии и заключающиеся в интеграции в состав конницы «гетайров» восточных контингентов и формировании «антитагмы», впервые вызвали серьезное недовольство политикой Александра среди рядовых воинов, что послужило причиной для бунта армии в г. Опис.

7. Однако полного разрушения отношений между армией и Александром не произошло, поскольку к тому времени воины стали профессионалами и у них сформировалась соответствующая психология.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования. Проблема массовой оппозиции среди рядовых воинов в македонской армии позволяет лучше понять сущность восточной политики Александра Великого и формирование социально-политической системы раннеэллинистических государств, а также выявить специфику быстрой трансформации архаичных обществ под воздействием военно-политических факторов, что способствует углублению научных знаний в области древней истории.

Практическая значимость выполненного исследования заключается в том, что в работе проанализированы механизмы возникновения оппозиционных настроений определенному политическому курсу. Выводы исследования могут быть использованы для разработки новых каналов коммуникации политической власти и общества в процессе ее осуществления.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждена на заседании кафедры истории древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета.

Основные положения и выводы диссертации были представлены в выступлениях и материалах международных, российских и региональных конференций: на итоговых научных конференциях АГПУ (Астрахань, 1999 и 2000 гг.), региональной научно-практической конференции «Развитие и взаимодействие национальных культур как фактор стабильности межнациональных отношений в полиэтническом регионе» (Астрахань, 2000 г.), международной научно-практической конференции «Геополитика и Прикаспийский регион» (Астрахань, 2002 г.), всероссийской научной конференции «Новый век: история глазами молодых» (Саратов, 2005 г., 2006 г.), XV-й Международной конференции «Сергеевские чтения» (Москва, 2007 г.), 51-й и 52-й научно-практических конференция профессорско-преподавательского состава Астраханского государственного технического университета (Астрахань, 2007 и 2008 гг.), XV-й Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2008» (Москва, 2008 г.).

По результатам исследования опубликовано 11 статей, в том числе две – в журналах, входящих в перечень ведущих периодических изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов диссертаций. Общий объем публикаций по теме диссертации составляет 3,3 печатных листов.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, каждая из которых содержит по два параграфа, заключения, списка использованных источников и литературы, а также списка сокращений.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы; характеризуется степень ее научной разработанности; дается обзор источников, определены объект и предмет, цель и задачи исследования, его хронологические рамки; раскрыта теоретико-методологическая основа диссертации; аргументирована новизна, теоретическая и практическая значимость работы; сформулированы положения, выносимые на защиту; оценивается апробация исследования и кратко характеризуется его структура.

В **первой главе «Македонская армия: от гражданского ополчения к войску профессионалов»** анализируется структура, комплектование македонской армии и те изменения, которые произошли с ней накануне и во время правления Александра Великого. В делении на параграфы применен проблемный подход.

В **первом параграфе 1-й главы «Социальный статус воинов и процесс профессионализации армии»** рассматривается политическая система древней Македонии и дается характеристика теории «конституционного строя», которую защищают такие исследователи, как Ф. Гранир, А. Эймар, П. Бриан, Н. Хаммонд, Г. Т. Гриффит. Согласно их взглядам, македонская монархия не была самодержавной, отношения между царем и народом регулировал «закон», понимавшийся не как документально фиксированное право, а как негласные нормы поведения, которые не могли нарушаться. Македоняне являлись свободными людьми, обладавшими правом обращения к царю и правом свободы в речах. Кроме того, важнейшей привилегией граждан было участие в народном войсковом собрании, имевшим две важнейшие функции, а именно: избрание нового царя и принятие судебных решений. Именно это войсковое собрание ограничивало власть царя.

Однако в последнее время усиливается критика этой концепции со стороны Р. М. Эррингтона, Р. Локка, Э. Ансона; их главный и наиболее весомый аргумент заключается в том, что все доказательства наличия «конституционного строя» происходят из эллинистического периода, поэтому они ставят вопрос: уместно ли экстраполировать их на раннюю историю Македонии? Кроме того, не надо забывать о специфических условиях Восточного похода Александра, когда македонская армия представляла собой подвижную уменьшенную модель государства и непонятно, насколько в этих условиях соблюдались обычные юридические процедуры.

Таким образом, в Македонии существовала персональная монархия, степень ограниченности которой зависела от конкретной ситуации и от личности царя. Следует отметить бесспорное увеличение демократизма македонского общества в период Восточного похода, выразившееся в постоянном функционировании народного собрания. Особенно это заметно, если провести сравнение с правлением Филиппа II, когда армейские собрания с 358 г. по 336 г. до н. э. вообще не созывались. В то же время анализ источников позволяет прийти к выводу о проведении пяти собраний с 336 г. по 324 г. до н. э.

Первое состоялось в Эгах сразу после смерти Филиппа, видимо, в конце лета 336 г. до н. э. (Diod. XVII.2.1; Iust. XI.1.1). На нем Александр был провозглашен царем Македонии. Второе было проведено только летом 330 г. до н. э. в Парфии (Plut. Alex. 47; Diod. XVII.74.3–5; Iust. XII.3.2–4; Curt. VI.2.15–21; VI.3.1–18.). Здесь Александр обратился к армии с предложением осуществить Восточный поход, который после захвата персидских столиц мог бы считаться завершенным. Для судебного процесса над Филотой было созвано третье собрание осенью 330 г. до н. э. (Атг. Anab. III.26.2; Diod. XVII.79.6; Curt. VI.8.23–25). Четвертое было приурочено к раскрытию заговора «лажей» во главе с Гермонасом весной 327 г. до н. э., когда рядовые воины помогли царю разгромить аристократическую оппозицию. Пятое войсковое собрание состоялось в г. Опиде весной 324 г. до н. э. (Атг. Anab. VII.8.1; Iust. XII.11.1), на котором Александр объявил о демобилизации части воинов.

Несмотря на регулярное функционирование собрания, инициатором его созыва всегда оставался царь. У этого органа не было установленной процедуры, а собирались воины только в ситуациях, когда царю была необходима их поддержка. Поэтому, признавая относительную простоту македонского общества и наличие значительного слоя крестьян, обладавших гражданскими правами, не следует преувеличивать роль народного собрания в политической системе Македонии.

Однако демократизация македонского общества была налицо и, видимо, она прямо связана с созданием фаланги Филиппом II. Логично было бы относить появление боеспособной македонской пехоты именно ко времени Филиппа II, в пользу чего свидетельствует четкое указание Диодора, употреблявшего термин «фаланга» (Diod. XVI.3.2). Кроме того, данное военное нововведение позволяет объяснить стремительное превращение Македонии в сильнейшую державу в балканском регионе.

Это привело к повышению социального статуса македонских крестьян, которые до того не могли оказывать влияние на принятие политических решений в условиях преобладания аристократической конницы, зафиксированного источниками второй половины V – первой половины IV вв. до н. э., прежде всего, в сочинениях Фукидида и Ксенофонта.

В правление Александра процесс повышения статуса простых воинов продолжился, произошло расширение почетного наименования «педзетайры», до этого относимого к личной гвардии Филиппа II, на всю фалангу. Этот вывод делается на основе анализа фрагментов из сочинений Анаксимена (FGH. 72. F. 4) и Феопомпа (FGH. 115. F. 348). Но даже армия Александра не имела законченной структуры, о чем свидетельствует появления наименования «астетайры» для ряда *таксисов* уже во время Восточного похода.

Также проводится анализ политической ситуации в Македонии в 336 – 334 гг. до н. э. после убийства Филиппа II, когда именно армия помогла Александру утвердиться на престоле. Возможно, именно с этим обстоятельством и связано получение простыми македонянами наименования «педзе-

тайры». Затем, в ходе осуществления восточной политики, царь использовал простых воинов для подавления аристократической оппозиции, а македонские крестьяне чувствовали свою значимость благодаря регулярному функционированию народного собрания и поэтому поддерживали царя в его противостоянии с аристократией.

Продолжительный Восточный поход привел к значительной трансформации психологии македонских воинов. Регулярные денежные выплаты (делается попытка определить их размеры с помощью афинской надписи 336 – 335 гг. до н. э., в которой говорится о ежедневных выплатах «типаспистам» Александра) и постоянная военная добыча сделали мотивацию их поведения во многом сходной с мотивацией поведения греческих наемников. Длительная военная служба способствовала профессионализации армии, рассматривалась воинами как основной источник доходов; произошло формирование представлений о воинской чести. Македонская армия даже в правление Филиппа II сохраняла свой полупрофессиональный характер, оставаясь гражданским ополчением крестьян, мобилизуемых только для ведения летних кампаний. В пользу данного положения свидетельствует анализ Второй Олинфской речи (Dem. II.16) и Третьей речи против Филиппа (Dem. IX.48–50) афинского оратора Демосфена. Подобную специфику сохраняла и армия Антигонидов, на что недвусмысленно указывает Полибий (Polyb. IV.67.6).

В период Восточного похода Александра ситуация была принципиально иной, воины непрерывно участвовали в походах на протяжении более десяти лет. В ходе продолжительных кампаний установились особые личностные взаимоотношения простых македонян с царем. Благодаря своим личным качествам и военному таланту, своему обаянию, умению общаться с воинами Александр пользовался большим авторитетом и мог манипулировать ими для достижения собственных политических целей.

Второй параграф I-й главы «Потери в македонской армии» посвящен определению масштаба потерь в армии во время восточной военной кампании и структуре пополнений войска. Проведенный анализ позволяет определить численность армии во время Восточного похода на основе трех показателей: размера первоначального контингента, переправившегося через Геллеспонт в 334 г. до н. э., македонских пополнений, прибывавших к Александру до 331 г. до н. э., и численности македонского контингента, оставшегося в распоряжении регента Пердикки после смерти Александра в 323 г. до н. э. Оценить потери македонских сил можно только путем сравнения этих чисел, так как иная методика для этого отсутствует. Большинство историков согласны с тем, что приводимые Аррианом потери недостоверны и отражают официальную версию македонского двора, пытавшуюся их максимально снизить. Но ряд исследователей обращает внимание, что такая диспропорция могла быть вызвана неудачными исходами сражений для персов, когда после начала их бегства с поля боя происходила массовая резня. Это тем более возможно, что одной из ярких черт военного искусства Александра было умение

использовать победу и организовывать преследование врага. В то же время сложно доверять числу потерь, сообщаемому историками антиалександровского направления – Диодором, Курцием, Юстином. Однако необходимо обратить внимание, что цифры «вульгаты», несмотря на их произвольность, не беспредельно велики, а вполне сравнимы с данными Арриана, поэтому укладываются в схему потерь, предложенную автором диссертации ниже.

Численность армии Александра в 334 г. до н. э. определяется в 50 тыс. человек, что связано с включением в ее состав авангарда, отправленного в Малую Азию в 336 г. до н. э. Филиппом II; собственно македоняне составляли около 18 тыс. человек. Македонские пополнения, прибывшие в Азию, выглядят следующим образом: в Гордии прибыло 3300 человек (Атг. Анаб. I.29.4), в Киликии – 5800 человек (Polyb. XII.19.2, фрагмент Каллисфена) и в Сузах – 6500 человек (Атг. Анаб. III.29.4; Diod. XVII.65.1; Curt. V.1.40). После 331 г. до н. э. македонских пополнений в армию Александра больше не было. Итоговая цифра для македонского контингента составляет, таким образом, около 33600 человек.

В работе делается попытка оценить потери армии в ходе крупных сражений, осад вражеских городов, экстраординарных событий, которые могли привести к большим потерям, например, переход через Гедросийскую пустыню, а также определить примерную численность гарнизонов, оставленных для удержания завоеванных территорий. Для гарнизонной службы использовались в основном греческие наемники, Александр избегал оставлять значительное число македонян за пределами действующей армии. Об этом свидетельствует анализ сообщений Арриана, который при описании основания Александрии на Яксарте указывает на поселение там македонских воинов, негодных для военной службы (Атг. Анаб. IV.4.1). Хотя в данном случае о собственно македонянах не могло идти речи, ибо незадолго до этого в Бактрии Александр уже демобилизовал пожилых македонских ветеранов и отправил их домой (Атг. Анаб. III.29.5). Вряд ли возможно появление за такой короткий срок новой группы ветеранов, которых бы поселили в Александрии на Яксарте. Это свидетельствует о не совсем корректном употреблении Аррианом термина «македонянин» и о его собирательном значении, подразумевающим вообще воина любой этнической принадлежности из армии Александра. Данное явление широко распространилось в эллинистических государствах, когда обозначение «македонянин» могло прилагаться к человеку любого этноса, обученному македонскому способу ведения войны.

В итоге в 324 г. до н. э., на момент демобилизации пожилых воинов в Описе, численность македонян доходила до 26500 человек. Эта цифра получается из анализа косвенных данных о численности македонских подразделений, оставшихся Александра, например, *гипастистов*, численности македонской составляющей новой фаланги и контингентов, находившихся в распоряжении Пердикки после смерти Александра в 323 г. до н. э. и составлявших приблизительно 15 тыс. человек. Подтверждают эти расчеты и прямые

указания источников, сочинений Курция и Диодора, последний называет размер контингента, отправленного на родину во главе с Кратером из Описа: 11500 человек. (Curt. X.2.8; Diod. XVIII.16.4).

Таким образом, потери в ходе военных кампаний исчисляются в 7 тыс. человек. Это означает, что Александр сумел сохранить основное ядро македонского контингента. Небольшие потери в ходе Восточного похода способствовали поддержанию отношений между царем и простыми воинами, содействовали процессу профессионализации армии и изменению психологии воинов, так как многие из них были живы к моменту завершения кампании.

Во *второй главе* «Александр и рост оппозиционных настроений в македонской армии» описывается процесс формирования оппозиции во взаимосвязи с завоевательными планами и военными реформами Александра. В делении на параграфы применен хронологический подход.

Первый параграф II-й главы «Завоевательные планы и возникновение оппозиции в 334 – 326 гг. до н. э.» раскрывает эволюцию завоевательных планов и вызванные ими волнения в македонской армии. В отечественной и зарубежной историографии признается наличие бесспорных связей между двумя явлениями – завоевательными планами Александра Македонского и оппозицией, возникшей в его армии в ходе Восточного похода.

Кроме приведенной выше связи, оппозиция может служить индикатором для выявления масштабов завоевательных планов Александра. Опираясь на прямые высказывания македонского царя, касавшиеся его завоевательных планов, необходимо с известной степенью осторожности, ибо поздним авторам был прекрасно известен результат Восточного похода и они, вольно или невольно, могли вносить искажения. Наиболее обоснованным выглядит мнение исследователей об эволюции стратегических целей царя и появлении стремления к мировому господству только в Средней Азии. Важная роль в определении этапов этой эволюции должна отводиться различным косвенным данным: стратегии Александра и оппозиции в его армии. Первая помогает выяснить «минимальный объем» завоевательных планов, соответствовавших этой стратегии, а рассмотрение оппозиционных настроений способствует более полному восстановлению картины первоначальных планов.

Морская стратегия Александра, заключавшаяся в роспуске собственного малочисленного флота и борьбе с персидскими военно-морскими силами путем захвата основных сухопутных баз на финикийском побережье, показывает, что захват Сирии / Финикии ни мог не планироваться с самого начала.

Кроме того, первоначальные планы Александра помогают объяснить факт отсутствия оппозиции в армии при отказе от мирных предложений Дария в Финикии, фиксируемый в источниках, и наличие недовольства при попытке продолжать поход в восточные сатрапии в 330 г. до н. э. свидетельствует, что планы Александра ограничивались не Сирией / Финикией, а, по меньшей мере, включали земли за Евфратом. Именно там располагались стратегические объекты – столицы державы Ахеменидов, которые изначально

но интересовали македонского царя. Таким образом, стратегической целью был полный военный разгром державы Ахеменидов и захват ее столицы.

После их покорения Александр пытался продолжить движение на восток, но встретил сопротивление собственной армии. Первый раз это проявилось в Гиркании и Парфии после смерти Дария III. Выступления в армии фиксируются как в апологетической, так и антиалександровской традиции (Plut. Alex. XLVII; Curt. VI.2.15–18; Diod. XVII.4.3). Наличие оппозиционных настроений было бы логично связывать именно с тем, что после сожжения Персеполя македоняне считали поход завершенным. Больше причин для волнений в армии просто не было, так как восточная политика, вызвавшая столько недовольства впоследствии, к лету 330 г. до н. э. еще не начала проводиться. Временем начала «ориентализации» традиционно считается осень 330 г. до н. э.; для этого исследователи опираются на сообщения Плутарха и «вульгаты» о начале использования Александром персидского костюма (Plut. Alex. XLV; Diod. XVII.77.4–7; Curt. VI.6. 1–10; Iust. XII.3.8–11).

Несмотря на протесты, Александр сумел убедить воинов продолжить поход, используя традиционные институты войскового народного собрания, созванного в Парфии (Plut. Alex. XLVII; Curt. VI.2.15–3.18; Diod. XVII.74.3; Iust. XII.3.2–4). Здесь царь сформулировал новые, уже более обширные завоевательные планы, которые, видимо, включали поход в Индию. Об этом свидетельствует тот факт, что после покорения Средней Азии армия не выразила никакого недовольства, узнав о предстоящем продвижении дальше на восток.

Второй раз противодействие рядовых воинов замыслам Александра произошло на р. Гифасис в Индии. Относительно причин этих волнений в историографии существуют две противоположные точки зрения. Согласно первой, которую поддерживают зарубежные исследователи, в качестве главной причины выступили тяжелые климатические условия Индии, непривычные для македонских воинов и их общая усталость от длительного похода. Противоположная точка зрения доказывалась советскими историками, указывавшими не на внешние трудности, а на неприятие воинами миродержавных планов Александра, которые грозили потерей для Македонии привилегированного положения в новой империи.

Анализ античной традиции позволяет прийти к следующему выводу: концепция политической оппозиции на р. Гифасис полностью строится на высказываниях Курция о том, что у царя и его воинов были неодинаковые устремления (Curt. IX.2.11). Беря за основу рассказ Клитарха, Курций дополняет его полными драматизма речами и собственными объяснениями. Другие авторы, принадлежащие как апологетическому направлению (Арриан и Плутарх), так и антиалександровскому (Диодор и Юстин), указывают на трудности похода и недовольство ими в армии, а не на неприятие политики Александра и его завоевательных планов (Arr. Anab. V.25.1–2; Plut. Alex. LXII; Diod. XVII.94.1–3; Iust. XII.8.10–13). Кроме того, имеется четкое указание

Страбона на тропические муссоны как главную причину недовольства македонян (Strabo. XV.1.27). Проведенный анализ источников показал отсутствие политической направленности этих событий. Недовольство вызвали грандиозные завоевательные планы царя, что усиливалось ошибочными географическими представлениями об Индии, распространенными в македонском лагере. Аристотель, который в данном вопросе оказал прямое влияние на Александра, указывал на нахождение океана непосредственно за долиной Инда (Arist. Meteor. I.13.350 a).

Когда после разведки, проведенной перед форсированием р. Гифасис, стало ясно, что Индия гораздо больше, чем полагала греческая наука, и предстоит длительная и трудная кампания по завоеванию долины Ганга, это вызвало недовольство в армии и без того утомленной тяжелыми климатическими условиями Индии. Если принять ориентацию царя на географические идеи Аристотеля относительно малых размеров индийского субконтинента, становится ясным, почему македонская армия двинулась на восток в самый разгар сезона дождей – Александр рассчитывал быстро достичь океана, несмотря на неблагоприятную обстановку.

Можно узнать, как воспринимали сложившуюся ситуацию сам Александр и простые воины. У Арриана сохранились речи, произнесенные во время событий на р. Гифасис, царем и одним из самых уважаемых македонских военачальников – Кеном. Справедливым является мнение Н. Хаммонда, настаивающего на подлинности обеих речей, восходящих к записям в «эфемеридах». Географические представления, отраженные в речи, в частности, идея о Каспийском море как открытом заливе океана, являются подлинными идеями Александра, которые затем были позаимствованы Эратосфеном, а не наоборот, как часто предполагается в современной историографии. Царь предпринял попытку предложить армии новые завоевательные цели, подобно тому, как это ранее произошло в Парфии. Его несколько не обескуражили полученные сведения о значительных размерах Индии, и он планировал продолжать продвижение на восток и впервые четко обозначил свое стремление к мировому господству, поставив задачу, после покорения Азии, перейти к завоеванию Ливии (Африки) и последующему вторжению в Европу, для чего должна была быть организована экспедиция вокруг Африки (Арт. Anab. V.26.2).

Можно говорить и о подлинности речи Кена, которая также происходит из текста Птолемея / Аристула. В ней отразился взгляд македонян на происходившие события, в том числе, может быть, и взгляд будущего египетского царя. Кен говорил об усталости войска, о желании воинов и командиров увидеть родину, советовал царю набрать новые молодые контингенты и с ними продолжить свои завоевания (Арт. Anab. V.27.2–9). Здесь нет ни слова о неприятии стремления Александра к мировому господству, более того, указывается на готовность македонян следовать за своим царем в новых походах, но только не теперь (Арт. Anab. V.27.7–8).

Таким образом, нельзя рассматривать события на р. Гифасис как проявление политической оппозиции.

Во *втором параграфе II-й главы* «Военные реформы и бунт в Описе в 324 г. до н. э.» анализируются военные реформы Александра и последовавшие за ними выступления воинов в г. Описе. События, совпавшие по времени с военными реформами, к которым можно применить понятие политическая оппозиция, произошли только в Описе в 324 г. до н. э.

До проведения военных реформ другие аспекты восточной политики Александра не вызывали острого недовольства среди рядовых воинов, в отличие от знати, несмотря на утверждения античных источников, особенно авторов, принадлежащих к антиалександровской традиции. Армия продолжала поддерживать царя, что доказали судебные процессы над Филотой и «пажами», а также убийство Пармениона. При этом и Филота, и обвиненные в заговоре против Александра «пажи» имели возможность выступить перед народным собранием македонских воинов для собственной защиты и изложить причины, заставившие их решиться на такой шаг (Атт. Anab. III.26.2; IV.14.2).

В связи с разгромом аристократической оппозиции необходимо поставить вопрос о распространении недовольства среди рядовых воинов. Имеются сообщения Диодора, Курция и Юстина о создании Александром после процесса над Филотой отдельного соединения воинов, своеобразного «штрафного батальона» («отряд беспорядочных», как его называет Диодор). Сюда были собраны все, кто в письмах на родину выразил недовольство действиями царя или его мероприятиями (Diod. XVII.80.4; Curt. VII.2.37–38; Just. XII.5.6–8). Парменион и его семья занимали в армии Александра высокое положение, и, конечно, их казнь могла вызвать недовольство приближенных к ним людей, что позволяет выявить смысл сообщения «вульгаты» об «отряде беспорядочных». Других данных о массовой оппозиции в армии после заговоров аристократов нет, в то же время имеются четкие указания на поддержку войнами Александра в ходе судебных процессов.

Анализ текста Арриана, в котором описание военных реформ в Сузах в 324 г. до н. э. предшествует бунту в г. Описе, произошедшему через небольшой промежуток времени, позволяет сделать следующие выводы (Атт. Anab. VII.6.4; 8.2). Во-первых, большинство жалоб связано с проведенными преобразованиями в армии. Во-вторых, реальные факты, прежде всего реакция македонян на аристократические заговоры, говорят о том, что некоторые пункты, такие как ношение царем персидской одежды, заключение браков по персидским обычаям, были для воинов не особенно значимы.

Одним из главных мероприятий военных преобразований 324 г. до н. э. стало включение восточных контингентов непосредственно в состав македонских подразделений, что произошло только после возвращения из Индии, хотя первые надежные данные по привлечению в армию Александра бактрийских и согдийских всадников относятся еще к зиме 328 – 327 гг. до н. э.

(Арт. Anab. IV.17.3). Однако до этого восточные всадники несли военную службу отдельно от македонян в собственных подразделениях, о чем свидетельствует их упоминание в битве при Гидаспе отдельно от македонских частей. (Арт. Anab. V.11.3; V.12.2). Теперь же произошло непосредственное включение иранцев и представителей других восточных народов в состав конницы *гетайров*, которая состояла из девяти *гинпархий*: четырех иранских, четырех македонских и одной смешанной (Арт. Anab. VII.6.2; VII.8.2).

Также важно создание *антитагмы* из азиатских пехотинцев, обученных сражаться в македонской фаланге. Многие исследователи согласны с мнением Диодора, утверждавшего, что появление *антитагмы* было результатом неповиновения македонян Александру в Индии, поэтому царь хотел противопоставить македонской фаланге персов (Diod. XVII.108.3). Но приказ о подготовке *эпигонов* был отдан Александром задолго до событий в Индии, и, конечно, они предназначались для создания новой армии, а не для борьбы с оппозицией. И только во время событий в Описе, после неповиновения македонских сил, Александр обратился к персидским войскам и сделал попытку заменить ими македонян, что и послужило основой для высказывания Диодора. Обращает на себя внимание и тот факт, что *эпигоны* и старая македонская фаланга представляли собой две совершенно отдельные армии, то есть речь не шла о включении персов непосредственно в состав македонской пехоты.

В этих военных преобразованиях македоняне увидели угрозу потери своего привилегированного положения в армии. Ход событий в Описе в 324 г. до н. э. необходимо восстанавливать по данным, приводимым в сочинениях Арриана и Плутарха. Основным источником в данном вопросе является именно Арриан, чье описание восходит к трудам Птолемея /Аристубула. Арриан и Плутарх сообщают, что известие об отставке вызвало негодование воинов, которые сочли это позором и оскорблением (Арт. Anab. VII.8–11; Plut. Alex. LXXI). В результате инициаторами возмущения называются именно демобилизованные воины, а оставленные в Азии македоняне к ним только присоединились. Ситуация выглядит, на первый взгляд, несколько странно, если учитывать стремление македонян вернуться домой, высказанное ими во время бунта на р. Гифасис.

В то же время не выдерживает критики традиция, сохраненная в произведениях Диодора, Курция и Юстина, в которых зачинщиками выступления против царя считаются воины, оставленные в Азии. Курций и Юстин говорят, что когда отставку получила только часть армии, другая также немедленно потребовала увольнения со службы (Curt. X.2.12; Iust. XII.11.5–6). Если Курций делает акцент на стремлении царя перенести царство в Азию, то есть подчеркивает политический аспект проблемы, то, согласно Юстину, инициатором выступления оказывается та часть воинов, которая не получила демобилизации, то есть на первый план выдвигается обычная усталость вои-

нов от пребывания на службе. Это подтверждает и Диодор, называя зачинщиками выступления воинов, оставленных в Азии (Diod. XVII.109.2).

Однако если принимать во внимание эту традицию, совершенно непонятным представляется дальнейший ход событий: почему воины, получившие от Александра желаемую отставку, вместо возвращения в Македонию стремятся найти примирение с царем и остаться на его службе?

Сведения античной традиции, сохраненные Аррианом и Плутархом, находят объяснение, если учитывать процесс профессионализации македонской армии. Неожиданное объявление об отставке, похожее на способ избавиться от части македонян, затронуло их представления о профессиональной чести, начавшее формироваться в период Восточного похода. Значительные изменения коснулись и психологии простого македонского воина, привыкшего к безбедному существованию и новым впечатлениям от неизвестных стран. Вероятно, многих из них возвращение к мирному земледельческому труду в родной Македонии уже не особенно прельщало и свое будущее они связывали с царской службой. В свою очередь, оставшимся в Азии воинам могло бы показаться, что они будут меньшинством в новой имперской армии в окружении восточных контингентов и утратят свой привилегированный статус.

Похоже, именно так воспринимал ситуацию и сам Александр, что нашло отражение в его речи, обращенной к воинам во время событий в Описе, приводимой Аррианом (Арт. Анаб. VII.9–10), в подлинности которой не сомневается большинство современных исследователей. В этой речи Александр сумел в значительной мере рассеять опасения македонян, перечисляя принадлежащие им блага огромной империи и говоря: «вы – сатрапы, вы – стратеги, вы – *таксиархи*» (Арт. Анаб. VII.9.8). Конечно, царь использовал и другие средства давления, в частности, замену македонских контингентов восточными.

Видимо, сами македоняне были не вполне уверены в реальности тех угроз своему положению, которые называются античными авторами. Скорее бунт воинов можно рассматривать как следствие субъективной интерпретации происходивших событий, прежде всего, военных преобразований. В итоге оставшиеся в армии воины, должно быть, поняли, что им ничего не угрожает, а отправленным домой пришлось, видимо, с этим смириться.

Однако и в ходе событий в г. Описе в 324 г до н. э. рядовые воины выступали не столько противниками восточной политики Александра, сколько защитниками своих собственных интересов, угрозу которым увидели в проводимых царем военных реформах, в частности начавшемся после возвращения из Индии включении в состав македонских подразделений восточных контингентов.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, намечаются перспективы дальнейшей разработки темы, формулируются основные выводы. Массовая оппозиция в армии Александра представляла собой ответную реакцию гражданской общины на попытку осуществления ускоренной

трансформации македонского общества, главным инструментом которой служила восточная политика, проводимая Александром. Данный конфликт является одним из проявлений борьбы царской власти и гражданской общины, процесса, характерного для социально-политического развития древних обществ. Только одно выступление армии в интересующий нас период (334 – 323 гг. до н. э.) – в г. Описе – можно считать проявлением политической оппозиции, да и то лишь с большой натяжкой. Конфликт был не особенно острым, так как существовал лишь в потенциальной форме, на что указывает стремление воинов к примирению с царем. Обуславливалось это двумя факторами. Во-первых, процесс профессионализации армии превратил македонских воинов в социальную группу, в определенной степени противостоящую гражданской общине. Во-вторых, в ходе Восточного похода между царем и воинами сложились особые взаимоотношения, произошло установление персональных связей.

В известном смысле Александра действительно можно назвать творцом эллинизма, так как его личность и деятельность сделали возможной быструю трансформацию македонского общества и утверждение новых политических институтов. Но наряду с этим действовали и объективные условия (формирование профессиональной армии), когда внутри македонского общества происходила кристаллизация новой социальной группы, способной служить опорой политической системе, к утверждению которой стремился Александр.

По теме диссертационного исследования опубликованы следующие работы:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ

1. Руденко М. Н. Завоевательные планы Александра Великого в Индии и оппозиция в македонской армии [Текст] / М. Н. Руденко // Вестник Самарск. гос. ун-та. Гуманитарная серия. – 2007. – № 5/3. – С. 82–88. (0,4 п. л.).
2. Руденко М. Н. Военные реформы Александра Великого в 324 г. до н. э. и оппозиция в македонской армии [Текст] / М. Н. Руденко // Вестник Астраханск. гос. технич. ун-та. Социально-гуманитарные исследования. – 2007. – № 5. – С. 115–120 (0,6 п. л.).

Прочие публикации

3. Руденко М. Н. К вопросу о Греко-македонской оппозиции в армии Александра [Текст] / М. Н. Руденко // Итоговая научная конференция Астраханск. гос. технич. ун-та (22 апреля 1999 г.). Тезисы докладов. История. Философия. – Астрахань: Изд-во Астраханск. гос. технич. ун-та, 1999. – С. 28 (0,05 п. л.).
4. Руденко М. Н. К вопросу об идеологической подготовке Восточного похода 334–323 гг. до н. э. [Текст] / М. Н. Руденко // Итоговая научная конференция Астраханск. гос. технич. ун-та (22 апреля 2000 г.). Тезисы докладов. История. Философия. – Астрахань: Изд-во Астраханск. гос. технич. ун-та, 2000. – С. 28 (0,05 п. л.).

5. Руденко М. Н. Особенности межгосударственных отношений в эпоху эллинизма и их влияние на судьбу эллинистического мира [Текст] / М. Н. Руденко // Развитие и взаимодействие национальных культур как фактор стабильности межнациональных отношений в полиэтническом регионе: материалы региональной научно-практической конференции (Астрахань, 28 апреля 2000 г.). – Астрахань: Изд-во Астраханск. гос. техн. ун-та, 2000. – С. 73–75 (0,2 п. л.).

6. Руденко М. Н. К вопросу о «теории равновесия» и геополитических особенностях внешней политики эллинистических государств в IV – II вв. до н. э. [Текст] / М. Н. Руденко // Астраполис (Астраханские политические исследования). – 2002. – № 2(3). – С. 96–99 (0,25 п. л.).

7. Руденко М. Н. Завоевательные планы Александра Македонского в 325–323 гг. до н. э. [Текст] / М. Н. Руденко // Antiquitas Iuventae. Сб. науч. трудов студентов и аспирантов / Под ред. Е. В. Смыкова, А. В. Мосолкина. – Саратов: Научная книга, 2005. – С. 30–35 (0,4 п. л.).

8. Руденко М. Н. Завоевательные планы Александра Великого и возникновение оппозиции в македонской армии в 334–330 гг. до н. э. [Текст] / М. Н. Руденко // Antiquitas Iuventae. Сб. науч. трудов студентов и аспирантов / Под ред. Е. В. Смыкова, А. В. Мосолкина. – Саратов: Научная книга, 2006. – С. 29–41 (0,8 п. л.).

9. Руденко М. Н. Проблема преемственности завоевательных планов Филиппа II и Александра Македонского [Текст] / М. Н. Руденко // 51-я научно-практическая конференция профессорско-преподавательского состава Астраханск. гос. техн. ун-та: тез. докл. В 2 т. – Астрахань: Изд-во Астраханск. гос. техн. ун-та, 2007. – С. 176–178 (0,05 п. л.).

10. Руденко М. Н. Восточная политика Александра Великого в современной западной историографии [Текст] / М. Н. Руденко // Наука: поиск: 2008: сб. науч. ст. – Астрахань: Изд-во Астраханск. гос. техн. ун-та, 2008. – С. 91–94 (0,3 п. л.).

11. Руденко М. Н. Социологическая концепция Т. Р. Гарра и проблема оппозиции в армии Александра Великого [Электронный ресурс] / М. Н. Руденко // Материалы докладов XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» / Отв. ред. И. А. Алешковский, П. Н. Костылев, А. И. Андреев. – М.: Изд-во МГУ; СП МЫСЛЬ, 2008. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см. – Систем. требования: ПК с процессором 486 +; Windows 95; дисковод CD-ROM; Adobe Acrobat Reader. [Адрес ресурса в сети Интернет: <http://www.lomonosov-insu.ru/2008/>.] (0,2 п. л.).

РУДЕНКО Максим Николаевич

МАКЕДОНСКАЯ АРМИЯ И МАССОВАЯ ОППОЗИЦИЯ
АЛЕКСАНДРУ ВЕЛИКОМУ В 334-323 гг. до н. э.

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Подписано в печать 26.12.08 г. Тираж 100 экз. Заказ 806
Типография ФГОУ ВПО «АГТУ», тел. 61-45-23
г. Астрахань, Татищева 16ж.

